

В ГЛУБИНЕ ДАГЕСТАНСКИХ ГОР

В очередном 14 номере «Роман-газеты» («Художественная литература») опубликовано первое прозаическое произведение известного советского поэта, лауреата Ленинской премии Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Книгу с аварского языка на русский перевел Владимир Солоухин. Он же представляет ее читателям.

Расул ГАМЗАТОВ



НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНЫМ СЫНОМ дагестанского поэта Гамзата я покинул аул и уехал сначала в Махачкалу, а затем в Москву. Прошли годы. Я окончил Литературный институт, выпустил десять сборников стихотворений. За один из них получил Сталинскую премию. Сыграл свадьбу. Одним словом, стал поэтом — Расулом Гамзатовым. Тогда-то я надумал вновь посетить свой аул.

Целыми днями я бродил по тем местам, где бегал мальчиком, смотрел на скалы, на пещеры, говорил с людьми, слушал песни ручьев, молчаливо сидел на кладбище и вновь бродил по полям.

В Америке на заводе Форда я видел испытательную горку, на которой проверяют выпущенные автомобили. Для писателя такой проверочной горкой должно быть то место, где он родился.

Женщины возвращались домой с полками пшеницы. Усталые и запыленные, с исколотыми и изрезанными острой травой руками, они присели отдохнуть около дороги. Я подошел к ним.

То ли они заметили меня и начали говорить обо мне, то ли у них шел давний разговор, но я вдруг услышал, как женщина, вытирая пот со лба пучком травы, сказала:

— Если бы меня спросили, чего я хочу больше всего, я сказала бы: беззаботное сердце и легкую долю Расула Гамзатова.

— А что у Расула вместо сердца — кусок сыра, и оно никогда не болит? — вступилась за меня моя родственница.

— Может быть, и не кусок сыра, но все же ему не приходится полоть пшеницу. Колхозный колокол не зовет его на работу и не разрешает идти на обед. Он не знает, что такое трудовень, как его заработать и сколько на него дают. Пишет себе — трень-брень, трали-вали, дьенгир-дангарчу... О чем же ему беспокоиться? О чем может болеть его сердце? Я не пожалею бы лучшей доли!

Добрая женщина! Как расскажу я ей о своей работе, о непрерывности и тяжести своего труда?

С грустными думами шел я с поля в аул. На аульском годекане грели холодные камни седовласые старейшины аула. Они мирно беседовали между собой о земле, о будущем урожае, о горах, о пастбищах, о болезнях и травах, о прошлых днях нашего аула. Я подошел к ним, поздоровался и тоже присел на холодный камень.

У одного старика оказалась свежая газета, а в ней были мои стихи. Разговор перешел на них. Всаднику нравятся, когда люди хвалят его коня. Я тоже надеялся, что земляки сейчас похвалят мое стихотворение. В Москве и в Махачкале я уж стал привыкать к похвалам. Старик, держащий газету, заметил: — Отец твой Гамзат писал стихи. И ты, сын Гамзата, тоже пишешь стихи. Когда же ты будешь работать? Или ты думаешь и век прожить, не поднимая ничего тяжелее куска хлеба?

Стихи — это моя работа, — ответил я как можно смиреннее, несколько ошарашенный таким поворотом разговора.

— Если стихи — работа, то что же тогда безделье? Если песни — труд, то что же тогда наслаждение и отдых?

— Для тех, кто песни поет, они действительно наслаждение, но для тех, кто их сочиняет, они работа. Работа без сна и отдыха, без выходных дней и отпусков. Бумага для меня — то же, что для тебя

поле. Мои буквы — это мои зерна. Мои стихи — колосья.

— А, все это красивые слова. Поле не приходит ко мне на крышу сакли. Я должен ходить в поле работать. Песни же сами находят тебя, где бы ты ни был, даже в твоей постели. Каждая твоя песня — это твой гость, который стучится в дом. Значит, каждая песня — это праздник. А наше поле — ежедневная, будничная жизнь.

Так, или примерно так, выражали свои мысли старейшины с нашего годекана.

— Но песня — это и есть моя жизнь. — Значит, жизнь у тебя — вечный праздник. Песни ведь дело таланта. У кого он есть, тому легко написать хорошую песню. Кто не наделен им, тому, конечно, приходится трудиться. Только труд в этом случае мало помогает.

— Нет, вы не правы. Тот, у кого мало таланта, смотрит на искусство как на очень легкое дело. Он порхает с песни на песню. Он, как мы говорим, халтурит. Большой же талант приходит вместе с ответственностью за него, и человек с настоящим талантом смотрит на свои стихи как на очень важное, трудное дело. Не все то, что поется, песня, и не все то, что рассказывается, рассказ.

— Тогда расскажи, как ты работаешь и в чем трудность твоего ремесла?

Вокруг меня сидели старые пахари. Я начал им рассказывать, но вскоре понял, что мне трудно объяснить им самые простые, самые понятные для меня вещи. Я сбился, засмутился и замолчал. Старцы с годекана в тот день взяли надо мной верх. Я не мог объяснить им, почему трудно писать стихи и вообще что это за работа — писать стихи.

С того дня прошло уже много лет. Но я и сейчас, если бы меня спросили, не мог, вероятно, внятно объяснить, в чем состоит моя работа, почему она легка и чем она отличается от других работ.

Где мое рабочее место? За столом, конечно, за моим рабочим столом. Но оно и на горной тропе во время прогулки, когда я обдумываю свои стихотворения и слова, звуки приходят ко мне, а их браку и отбрасываю в сторону. Оно и в поезде, когда я еду в другую страну, ибо именно в это время может прийти ко мне замысел нового стихотворения. Оно и в самолете, и в трамвае и на Красной площади, и на берегу ручья, и в лесу, и в приемной министра. Всюду на земле мое рабочее место, мое поле, где я пашу и жну.

шел первых переводчиков или, может быть, вернее, переводчики нашли его. Здесь его аварские стихи стали фактом также и русской поэзии.

С тех пор у Расула Гамзатова и в Махачкале на родном языке и в Москве вышло около сорока поэтических сборников. Имя его теперь широко известно, ему присуждена Ленинская премия и звание народного поэта Дагестана, его стихи зазвучали на многих языках мира.

И вот Расул Гамзатов написал первую книгу в прозе. Можно было заранее предположить, что талант Расула и здесь проявится во всем своеобразии и его проза не будет похожа на обычные романы и повести. Так оно и вышло на самом деле. Тем не менее особенность этой прозы требует некоторого пояснения.

Расул Гамзатов пишет как бы предисловие к своей будущей книге. Он рассказывает, каной должна быть эта книга, в каком жанре ее писать, как она будет называться, кановы должны быть язык, стиль, образная система и, наконец, содержание книги. Иной читатель мог бы недоуменно спросить, прочтя написанное Гамзатовым: «Позвольте, это предисловие, а где же сама книга?» Но в этом случае читатель был бы неправ. Нетрудно заметить, что рассуждения о будущей книге есть не что иное, как литературный призм. Постепенно, незаметно «предисловие» к книге перерастает в самостоятельную, богатую содержанием законченную книгу о родине, об отношении и ней любящего сына, об интересной и трудной должности поэта, о не менее интересной и не менее трудной должности гражданина.

Книга автобиографична. В какой-то мере она имеет исповедальный характер. Она искренна. Она поэтична. Она освещена мягким авторским

юмором и, я бы сказал, лунавством. Одним словом, она как две капли воды похожа на своего автора Расула Гамзатова. Недаром одна из статей об этой книге, напечатанная в центральной газете, называлась «Предисловие к жизни».

Читатель найдет в книге «Мой Дагестан» множество аварских пословиц и поговорок, то смешные, то грустные истории, либо пережитые самим автором, либо сокровища народной памяти, зрелые размышления о жизни, об искусстве. В книге много доброты, любви к людям, к отечеству.

Сам Расул Гамзатов, говоря о своем творчестве и обращаясь к читателям, пишет так: «Есть люди с печальными, мрачными воспоминаниями о прошлом. У таких людей обычно такие же мрачные представления бывают о настоящем и будущем. Есть люди со светлыми, солнечными воспоминаниями о прошлом. В их мыслях солнечное настоящее и будущее. У третьих воспоминания и радости и печальные, и солнечные и мрачные. В их думах о настоящем и о будущем смешаны разные чувства, мысли, мелодии и краски. Я отношусь к третьим».

Не всегда гладко шли мои дороги, не всегда легкими были мои годы. Так же как и ты, мой современник, я жил в середине века, в центре мира, в круговороте больших событий. Каждое потрясение — это, можно сказать, сердцетрясение для писателя. Печаль и радость событий не должны проходить мимо художника. Они не следи на снегу, а резба на камне. И вот я, собрав воедино все свои свидетельства о времени прошлом и мысли о будущем, иду к тебе, стучу в твою дверь и говорю: мой добрый друг, это я. Разрешите войти».

Владимир СОЛОУХИН.

Публикуем небольшой отрывок из книги Расула Гамзатова.

В ГЛУБИНЕ дагестанских гор, на краю широкой поляны приютился аварский аул Цада. В этом ауле есть сакля, которая внешне ничем не выделяется из своих соседок справа и слева: та же плоская крыша, тот же каменный каток на крыше, такие же ворота, такой же дворик. Но из этой маленькой сакли, из этого жесткого, в общем-то, горного гнезда, вылетели в просторный мир два поэтических имени. Первое из них — имя народного поэта Дагестана Гамзата Цада, второе — народного поэта Дагестана Расула Гамзатова.

Нет ничего удивительного в том, что мальчик, растущий в семье старшего горского поэта, полюбил поэзию и даже сам стал писать стихи. Однако сын поэта, сделавшись поэтом, далеко раздвинул пределы известности или — скажем более громко — славы своего отца. Самое далекое путешествие, которое совершил в своей жизни старый Гамзат, было путешествие из Дагестана в Москву. Расул Гамзатов как полпред многонациональной советской культуры побывал едва ли не во всех странах мира.

Внешне его биография не отличается острым сюжетом. Расул Гамзатов родился в 1923 году в ауле Цада Дагестанской АССР. Учился в армянской средней школе, в Аварском педагогическом училище в Буйнакске. Был учителем, работал в Аварском театре, сотрудничал в республиканской газете. Первые стихи опубликовал в 1937 году.

Переломным моментом в творческой судьбе Расула Гамзатова надо считать поступление в московский Литературный институт. Здесь он обрел не только учителей в лице крупнейших московских поэтов, но и друзей, сотоварищей по искусству. Здесь же он на-